

УДК 398 + 784
ББК 82 + 85.31

АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВИЧ МАСЛОВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗРАБОТКУ НАУЧНЫХ ОСНОВ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭТНОГРАФИИ

ВЕРА ИВАНОВНА ЮДИНА

(Орловский государственный институт культуры:
Российская Федерация, 302020, г. Орел, ул. Лескова, д. 15)

***Аннотация.** Статья посвящена А. Л. Маслову — музыкальному деятелю конца XIX — начала XX в., этнографу, фольклористу, педагогу. Представлены биографические сведения, основные научные труды ученого. Главное внимание уделено анализу вклада Маслова в историю отечественной музыкальной этнографии. С этой целью рассмотрены его исследования, посвященные общим вопросам анализа народной музыки и отдельным музыкальным жанрам (былинам, духовному стиху), которые свидетельствуют о разработке научных основ музыкальной этнографии. Многие из них не утратили своей актуальности и сегодня. Наряду с традиционными на тот момент проблемами изучения музыкального фольклора, связанными с анализом соотношения музыки и поэзии в различных жанрах народно-песенного творчества, исследованием народной музыки в контексте народной жизни и быта, Маслов выдвигает ряд вопросов, которые можно отнести к категории методологии и культурологии этномузыкознания. Это, в частности, проблемы комплексного анализа народной песни, синтезирующие культурно-исторические, этнографические, музыковедческие подходы; вопросы межкультурного взаимодействия в народном музыкальном творчестве; проблема сохранности народной музыки в условиях цивилизационных преобразований, в том числе дихотомия «фольклор и композитор»; идея стратификации народной музыкальной культуры; необходимость изучения специфики музыкального мышления народа. Делается вывод о том, что в начале XX в. А. Л. Маслов высказал много смелых, прогрессивных идей, которые получили дальнейшее развитие в отечественной музыкальной этнографии.*

***Ключевые слова:** А. Л. Маслов, музыкальная этнография, народная песня, научный метод, культурология этномузыкознания.*

В историю отечественной музыкальной этнографии заметный вклад внесли уроженцы Орловского края М. А. Стахович, П. И. Якушкин, А. В. Затаевич и др. Среди них особое место занимает Александр Леонтьевич Маслов (1876–1914) — музыкально-общественный деятель, педагог, музыкальный критик и ученый-этнограф, музыкант-фольклорист, историк.

Уроженец села Благовещенское Ливенского уезда Орловской губернии,

музыкальное образование он получил в музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества, куда поступил после окончания елецкой гимназии. В училище он учился с 1895 по 1902 г. по классам тромбона и теории музыки, после чего преподавал музыкально-теоретические дисциплины в различных учебных заведениях (с 1902 г. — в открытой совместно с И. С. Тезавровским и П. А. Котовым

музыкальной школе, а с 1907 г. — в Народной консерватории). Результат его педагогической деятельности отразился в методических работах «Общедоступная первоначальная нотная азбука (Элементарная теория музыки). Необходимое руководство для всякого начинающего учиться музыке и пению» (М., 1906), «Народная консерватория. Музыкально-теоретический и общеобразовательный курс. Статьи и лекции» (М., 1909), «Методика пения в начальной школе, основанная на новейших данных экспериментальной педагогики» (М., 1913) и др.

Но главное направление деятельности А. Л. Маслова было связано с собиранием и анализом народных песен. Как секретарь Музыкально-этнографической комиссии Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ) Московского университета, он активно участвовал во всех ее мероприятиях. Огромное значение имели предпринятые им этнографические экспедиции 1901 г. по Поволжью (Саратовская, Симбирская, Самарская губернии), на Север европейской части России. Он принимал участие в организации этнографических концертов и сам исполнял записанные им во время многочисленных этнографических экспедиций песни в собственной гармонизации.

Как ученый-этнограф А. Л. Маслов сотрудничал с ведущими периодическими музыкальными изданиями того времени: «Этнографическим обозрением», «Трудами Музыкально-этнографической комиссии», «Русской музыкальной газетой» (в том числе и под псевдонимом «А. Ливин», указывающим на место его рождения). В 1908–1912 гг. он был редактором журнала «Музыка и жизнь» (совместно с Д. Аракишвили). В 1914 г. после фольклорной экспедиции по Западной Украине (Волынская и Подольская губернии) он был мобилизован и 12 октября погиб в бою с австрийскими войсками.

«За столь короткую жизнь Маслов сделал необычайно много. Даже при беглом обзоре деятельности Маслова легко убедиться в его одаренности, энергии и трудоспособности. И если он не оставил после себя большого теоретического исследования, то по многообразию затронутых и порою метко разрешенных проблем он вполне может встать в ряд видных

деятелей русской фольклористики» [Свиридова 2002, 208].

Действительно, по его работам можно судить о характере направлений, уровне развития, достигнутом отечественной музыкальной этнографией в начале XX в. Показателен уже объем опубликованных работ музыканта, разнообразие затронутых и разработанных им научных проблем [Свиридова 2002, 230–237].

Его увлечение музыкальной этнографией началось еще во время учебы в музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества: во время каникул на родной Орловщине он собирал народные песни, писал музыкально-этнографические очерки. Не случайно, что его первая опубликованная работа была посвящена исследованию орловского фольклора. Написанный еще в студенческие годы очерк «Лирники Орловской губернии в связи с историческим очерком инструмента “Малороссийская лира”» был напечатан в «Этнографическом обозрении» (1900, № 3), а в 1901 г. вышло отдельное издание этой работы.

История появления этого исследования была связана с пребыванием автора на родине, в Ливенском уезде. Здесь он услышал пение нищих слепых — старика и старухи — и мальчика-поводыря, сопровождавшееся игрой на малороссийской лире, до того автору неизвестной. Затем он заказал себе такой же инструмент у крестьянина села Ольшаны Д. И. Студенникова и научился играть на нем. После написания очерка «Лирники Орловской губернии...» Маслов подготовил к публикации нотный и текстовый материал «Напевы лирницких стихов Ливенского уезда». Судьба этой рукописи неизвестна, но статья по той же теме «Лира, народный музыкальный инструмент» была напечатана в «Русской музыкальной газете» в 1902 г. № 12 (С. 353–354).

В своем исследовании автор прослеживает этапы распространения музыкального инструмента на Руси. Он считает, что лира появилась при Иване III, широко использовалась при Иване Грозном, хотя была и менее популярна, чем гусли и домра. При Петре I лирники входили в состав придворного оркестра. На Орловщину лира могла быть занесена из Украины или Белоруссии. Первые упоминания о лире встречаются в мемуарах начала

XVII в.: в заметках польского офицера Маскевича, служившего у Лжедмитрия, говорится о том, что этот инструмент можно было видеть у орловских и тульских крестьян. Исследуя быт народных музыкантов, Маслов проследил миграцию инструмента в пределах Орловской губернии — из Малоархангельского в Ливенский уезд.

Автор отмечал своеобразие стиля орловских лирников, высокий уровень их исполнительства, оптимистическую направленность творчества, демократический характер репертуара. Говоря о том, что орловские лирники — не случайное явление, попадающее сюда из южных губерний, он подчеркивал самостоятельное творческое развитие этого искусства на местной почве.

Уже в этой ранней работе А. Л. Маслова сказывается его приверженность историцизму, что составило подлинную базу его научной теории. Впоследствии совместная экспедиционная работа с А. В. Марковым, учеником В. Ф. Миллера, еще более сблизила музыканта с русской «исторической школой», во многом предопределив его особый интерес к русской эпической традиции. В той или иной степени это сказывается в основных научных исследованиях ученого, посвященных различным областям музыкальной этнографии: «Музыкальное творчество поморов» (1901), «Кирша Данилов и его напевы» (1902), «Калики перехожие на Руси и их напевы» (1904), «Церковная и светская музыка в России и народное творчество» (1905), «Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад» (1910), «Опыт руководства к изучению русской народной музыки» (1911), «Древнейшие черты в украинских народных песнях» (1913).

В реконструкции исторического процесса развития русской народной музыки ученый сочетает культурно-исторические, этнографические, музыковедческие методы анализа.

Весьма показательна работа «Калики перехожие на Руси и их напевы. Историческая справка и мелодико-технический анализ» (СПб., 1905), посвященная природе русского духовного пения. Несмотря на содержательно-тематическую связь с его ранним исследованием орловского фольклора, эта работа представляет

собой качественно новый этап в исследовательской деятельности А. Л. Маслова. Об этом свидетельствует выход за рамки региональной проблематики, широкий культурологический контекст анализа жанровых особенностей духовного стиха, включающий проблему межкультурных взаимодействий.

Ученый отмечал, что рождение жанра духовного стиха обусловлено взаимодействием религиозного языческого и христианского песенного творчества. Перенесенное на Русь «учителями-славянами», религиозное внебогослужбное пение ассимилировало и славяно-византийскую песенную традицию, и влияние книжной литературы с ее ориентацией на Запад, обусловившей виртуозность церковного пения в XVII в.

Реконструируя историческую эволюцию духовного стиха, А. Л. Маслов акцентирует музыкальные аспекты жанра, анализирует институциональные и духовно-содержательные стороны данного вида музыкального творчества. В частности, феномен каличества рассматривается им в диахроническом аспекте. Калики перехожие — странники по обету или вследствие недуга (все они, за редким исключением, были слепы) добывали себе пропитание «именем Божиим». Существовало два вида таких странников: из зажиточного или бедного класса. Возникшее в эпоху принятия христианства, каличество расширилось в XVII в. в связи с ростом нищенства. К XX в. осталась лишь его внешняя сторона — пение душеспасительных стихов лирниками и кобзарями.

В ходе анализа автор выявляет видовые и региональные особенности духовных стихов. Так, он выделяет три вида духовного стиха: народного характера, сложившегося под влиянием книжной словесности (отреченных книг, апокрифических сказаний), книжного происхождения — от литературных псалмов и кантов, и собственно произведения калик перехожих — задравные, поминальные стихи.

В классификации духовного стиха исследователем определены также региональные разновидности: стихи южных регионов и средней полосы России, где калики являются исключительно носителями этой традиции, а также северные, которые исполнялись сказителями былин,

отчего сам жанр приобрел более развитые с точки зрения масштабов и драматургии формы.

Музыковедческий анализ, который охватывает ладоинтонационные и конструктивные особенности духовного стиха, в свою очередь, позволяет ученому выявить отдельные культурно-исторические закономерности бытования жанра. Сравнивая различные варианты одного стиха, он предпринимает подлинно интонационный анализ, выделяет общие черты и отличия. К первым он относит отчетливо проявляющийся в каденциях «оттенок церковности», проявляющийся, в частности, в наиболее употребительной, родственной народной песне нисходящей каденции, а также интонационно-мелодическую основу духовного стиха, базирующуюся на неполных звукорядах преимущественно квартво-квинтовой конструкции.

Отличия различных региональных вариантов духовного стиха сказываются в том, что великорусские калики поют древние стихи, более самостоятельные в музыкальном отношении, а малороссийские и белорусские — более поздние по происхождению канты, отмеченные и церковным, и западным (польским) влиянием. Однако историческое развитие ладоинтонационной основы духовного стиха — отход от полного диатонизма, введение хроматизма, вводного тона, больших скачков — нивелирует эти отличия.

Мимо внимания Маслова не проходят и формообразующие признаки жанра духовного стиха. Основные структурные элементы — предложения и периоды, свободные в метроритмическом отношении, с варьированным переизложением при повторе, объясняются особенностями текста.

Прослеживая эволюцию духовного стиха, исследователь акцентирует музыкальные аспекты жанра, подчеркивает его синтетическую природу, соединяющую черты народной песенности, эпической традиции и церковных распева. «В этой работе Маслова была ярко выражена и, кстати, получила новое неоспоримое подтверждение идея о генетическом родстве двух ветвей русской музыкальной культуры: народной «мирской» музыки и церковного распева. Эта идея, ставшая актуальной в XIX в., приобрела особой

звучание на рубеже веков и в начале XX в. Путь исследования, предложенный Масловым, кажется перспективным; однако в послеоктябрьский период изучение духовной области народной культуры было фактически прекращено» [Данченкова 2004, 520]. В постсоветское время в связи с возрождением интереса к духовным основам русской культуры исследование Маслова представляется особенно актуальным.

Проблема взаимосвязи слова и музыки в народной песне стала сквозной линией музыкальной этнографии как науки [Земцовский 1972, 19]. Именно Маслов впервые теоретически обосновал особенности метроритмической организации музыкального эпоса через связь текста и напева. В своей работе «Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад», опубликованной во втором томе Трудов МЭК за 1909 г. (С. 301–327), он «исходил из единства музыкального и поэтического начал русского эпоса, поэтому объяснения феномена народно-песенного стиха с позиций стиховедческой теории его не устраивали; вместе с тем через анализ координации стиха и напева он вплотную подошел к проблеме выявления элементов квантитативного ритма в северорусской напевной декламации.

Очень важно, что предложенный А. Л. Масловым путь систематизации северорусских эпических напевов предусматривает выявление суммы важнейших структурных признаков. По существу, его работа характеризует не только своеобразие, но и многообразие северорусского поющего эпоса, а сам метод раскрывает взаимодействие различных композиционных принципов и в типологически контрастных музыкальных формах, и в однотипных напевах местных традиций» [Марченко 2003, 98].

Маслов дает классификацию ритмов народного эпоса на основе общей жанровой классификации народных песен (размеры — полный эпический, сокращенный и смешанный, скомороший, духовного стиха, исторических песен). Ставя цель доказать неприемлемость древнегреческой теории стопного стихосложения к русскому эпосу, фольклорист выделяет ритмический период как главную ритмическую единицу народного стиха. Соединение этих единиц образует и строку

(стих), и музыкальный мотив, который имеет одно главное логическое ударение и несколько второстепенных. В синтезе слова и музыки возникает всякая народная песня: «...сначала запоминается содержание: импровизируя на данный текст, певец, благодаря напеву, укладывает постепенно в ритмические рамки текст, превращающийся наконец в стихотворную форму» [Вульфийс 1979, 297].

Отталкиваясь от метода определения ладовых закономерностей народной песни П. П. Сокальского, А. Л. Маслов анализирует мелодический склад былин и выявляет особую роль эпических окончаний с точки зрения соотношения «костяка», основных звуков и придающих ему особую эпическую плавность украшений, а также сходство мелодических «сегментов», особенно в заключительных оборотах былин, бытовавших в различных областях.

Помимо стилевого, А. Маслов принимает исторический анализ происхождения жанра, его видовых особенностей. Сделав краткий теоретический обзор литературы, он приходит к выводу о южнорусском зарождении былин, откуда путем эмиграции они распространились на Север и закрепились здесь под названием старин. Не ставя целью сопоставление двух региональных разновидностей былин, исследователь указывает на отдельные отличительные особенности. Так, он считает, что в силу удаленности от центра старины в наиболее полном виде сохранили богатое эпическое содержание, нежели приблизившиеся к лирической песне южные былины. С этим же связаны и стилевые особенности, преимущественно унисонная, в том числе и сольная, северная традиция, опирающаяся на речитативную интонационность в ограниченном звуковом диапазоне, и близкое протяжным лирическим песням многоголосное исполнение былин в Поволжье, на Дону и Смоленщине.

Современное музыковедение относит исследование А. Л. Маслова о русских былинах к наивысшим достижениям дореволюционной музыкальной этнографии. «По сути, это первое музыкально-монографическое исследование жанра не утратило своего научного значения и по сей день. В своей работе Маслов дает целый ряд положений и понятий,

необходимых при изучении нарративных жанров. Он очерчивает область традиционного нарратива, причисляя к нему былин, духовный стих и причитание. Опираясь на собственное знание специфики эпического сказывания, обосновывает роль ритмического компонента в формообразовании былин. Отталкиваясь от уже существовавших ритмических концепций, Маслов разрабатывает собственную, непротиворечивую и новаторскую концепцию былинной ритмики, учитывая тесную взаимосвязь ее стихового и мелодического компонентов. Напомним, что господствующий тип былинного стихосложения и присущей ему ритмической организации (тонической) в те времена (и ранее) почти не привлекал к себе внимания музыкальных ученых. Тем большего внимания заслуживает новаторский прием Маслова, предложившего структурно-синтаксическое членение ритмостиховых построений на периоды, соотносимые с ударениями стиховой строки и со звуковысотным контуром напева...» [Данченкова 2004, 520–521].

Научные работы А. Л. Маслова оказали значительное влияние не только на развитие отечественного эпосоведения, но и на многие другие стороны русской музыкальной этнографии. В частности, в условиях формирования теоретических основ и сложения проблемного поля данной научной сферы большое значение имели выделенные ученым теоретические установки. В частности, в статье 1904 г. «Задачи музыкальной этнографии» он подчеркнул важность основных методов научного исследования — историзма, объективности, достоверности, которые необходимы для решения главной задачи изучения музыкального фольклора: «...проследить развитие музыкальных форм от первичных ее зачатков, переходящих в сложные художественные формы, как в вокальной, так и в инструментальной музыке» [Маслов 1904].

В работе «Опыт руководства к изучению русской народной музыки» Маслов, по сути, представил историю отечественной музыкальной фольклористики от конца XVIII до начала XX в. Выстраивая линию исследований русского музыкального фольклора от опубликованного в 1790 г. песенного собрания Н. А. Львова и И. Прача до исследований

П. П. Сокальского и его современников (В. И. Петра, Н. В. Лысенко), ученый выявляет значение каждой работы в общей научной эволюции, дает объективную характеристику индивидуальному вкладу каждого автора в развитие отечественной музыкальной этнографии. При этом порой он подчеркивает значимость работ, до того научно недооцененных, как это произошло, например, в случае с песенным собранием Н. А. Римского-Корсакова. Характеризуя признанного мастера как одного из немногочисленных убежденных композиторов — приверженцев народной музыки в своем творчестве, он пишет: «Введение подлинных народных мелодий и мастерская стильная обработка с полным правом заставляют признать в нем музыканта этнографа, который силою таланта и чутья сумел уяснить себе все характерные черты русской народной песни» [Маслов 1911].

Существенны и развиты ученым в данной работе методология и культурология музыкальной этнографии. Интересна объемная трактовка народной музыки как сферы не просто художественного творчества, но этнического феномена, способного выявить черты народного менталитета. Так и русская песня рассматривается им как отражение обычаев, верований, самого «творческого духа» народа.

Отдельная тема, активно развиваемая во многих работах ученого, — проблема сохранности народной музыки в условиях цивилизационных преобразований. Будучи убежденным в отмирании коллективного народного творчества вместе с породившей ее обрядностью, он видел возможность ее сохранения только силами ученых сообществ. «Обрядность насильственным ли путем, силою ли свободной культуры должна наконец исчезнуть, а вместе с нею должны исчезнуть и народные песни, если их не поспешат сохранить учебные сообщества» [Маслов 1910].

Возможность продления жизни народной музыки ученый связывал и с ее использованием в композиторском творчестве. К этой проблеме Маслов обратился одним из первых в русском музыкознании. Он считал, что в современной ситуации «...разработка народных песен свидетельствует о новом течении

в искусстве: возвращение песен тому же народу в сложной форме и в понятном изложении, и своими последними успехами русская культурно-художественная музыка обязана своему главному историческому образованию — народной песне» [Маслов 1908, 4].

В целом анализ отдельных работ А. Л. Маслова свидетельствует о том, что этим «мало оцененным» [Земцовский 1972, 24] у нас ученым было высказано много смелых, прогрессивных идей, которые не утратили своей научной значимости и сегодня. Хотя они не могли считаться окончательными на тот момент, но и научными изысканиями последующего поколения фольклористов они не опровергались, а скорее углублялись и детализировались.

Его вклад в отечественную этномузыкологию может быть оценен с точки зрения ретроспективы предшествующего этапа развития науки и ее современного состояния. «Если для второй половины XIX века стержневым явлением в музыкальной фольклористике оказался труд П. П. Сокальского, то в начале XX века такое значение имела деятельность А. Л. Маслова... Маслов превосходит всех <современных ему фольклористов> широтой кругозора, многогранностью интересов и интенсивностью их проявления. <...> Приходится лишь сожалеть о том, что Маслову не удалось обобщить результаты своих изысканий в капитальном труде, в котором были бы освещены важнейшие проблемы народного музыкального творчества. Материал для такой книги ему бы занимать не пришлось» [Вульфийус 1979, 58].

Как факт истории русской музыкальной этнографии научная ценность работ А. Л. Маслова проявляется во всех основных линиях ее развития — изучении специфики музыкального мышления народа (сугубо музыкаловедческий и композиторский подходы к фольклору), изучении взаимосвязи музыки и поэзии в фольклоре, исследовании народной музыки в связи с жизнью и бытом народа. С точки зрения проблемы музыкального своеобразия народной песни, обусловленной спецификой музыкального мышления народа, показательна высказанная им в «Былинах...» мысль о неприменимости к народной музыке канонов древнегреческой, церковной западной, классической

мажоро-минорной организации. Ранее он отмечал ладовое своеобразие духовных стихов, основанных на древних неполных звукорядах.

Впервые выдвинутое теоретическое объяснение ритма былин во взаимосвязи текста и напева составило значительный вклад Маслова в разработку проблемы музыкально-поэтического синкретизма народной песни. Хотя этот метод в свое время не был подхвачен, «приходится удивляться его чуткости, позволившей ему услышать в ритме былин музыкальную пульсацию, не отдавая себе отчета в некоторых существенных ее атрибутах» [Земцовский 1972, 59], в том числе и таких, как соотношение сильного — слабого времени, нарушение ритмической равномерности и др.

Работы А. Л. Маслова отличались широтой подхода: исследование музыкального фольклора в связи с действительностью, с жизнью и бытом народа. Музыкально-стилевому анализу духовных стихов или северных старин предшествует яркая характеристика культурно-исторических, содержательных, организационных факторов бытования жанра. Народные эпические жанры рассматриваются исследователем не просто как различные формы музыкального фольклора, но и как факты истории русской культуры, результат сложных процессов культурно-исторического развития. Такой подход — уже не только этнографический, но и культурологический — выявляет и соответствующие ему проблемы: межкультурных взаимодействий, музыкально-стилевого единства восточнославянского эпоса, региональных форм его бытования (северные и южные былины). Эта методология распространяется и на современные жанры фольклора. Так, ученый один

из первых обращает внимание на так называемую маргинальную народную культуру (статья «Музыка тюрьмы и каторги» в журнале «Музыка и жизнь». 1910. № 3).

Кроме рассмотренных выше, отметим и другие проблемы, затронутые Масловым в его работах. Например, стратификация национальной культуры на «простонародную» и «знатную» и их соотношение, равно значимое для России и Запада (работа 1906 г. «Задачи народных консерваторий»). Среди специальных важен малоизученный на тот момент вопрос о народной инструментари, который анализируется в широком культурно-историческом контексте. Он рассматривался, помимо отмеченной выше ранней работы о малороссийской лире, в статьях «Народные музыкальные инструменты, их эволюция и географическое распространение» (журнал «Музыка и жизнь». 1910. № 5, 6), «Легенда о происхождении балалайки» (журнал «Музыка и жизнь». 1910. № 1), «Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве» (Труды МЭЖ. Т. 2. М., 1911).

В целом круг проблем, поднятых в работах А. Л. Маслова, уровень их разработки свидетельствует о масштабности, яркости, самобытности научного мышления ученого. Широта кругозора, подкрепленная собственным этнографическим опытом, обусловила высокий научный статус его работ. Утверждение музыкальной этнографии как науки широкого профиля, со своей методологией, фактологической базой и научным аппаратом — несомненная заслуга А. Л. Маслова как яркого ученого-этномузыковеда конца XIX — начала XX в.

Исследования

Данченкова 2004 — Данченкова Н. Ю. Музыкальная этнография // История русской музыки: В 10 т. Т. 10 Б. 1890–1917 / Под ред. Л. З. Корабельниковой, Е. М. Левашева. М., 2004. С. 508–523.

Земцовский 1972 — Земцовский И. И. Фольклористика как наука // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972. С. 9–79.

Марченко 2003 — Марченко А. А. Напевы мезенских былин // Былины: В 25 т. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. СПб.; М., 2003. С. 78–98. (Свод рус. фольклора).

Маслов 1904 — Маслов А. Л. Задачи музыкальной этнографии // Русская музыкальная газета. 1904. № 40.

Маслов 1908 — Маслов А. Л. Влияние русской народной музыки на творчество русских композиторов // Музыка и жизнь. 1908. № 2.

Маслов 1910 — Маслов А. Л. Русское народное творчество в переживаемую эпоху // Музыка и жизнь. 1910. № 2. С. 9–12.

Маслов 1911 — Маслов А. Л. Опыт руководства к изучению русской народной музыки. М., 1911.

Вульфус 1979 — Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / Вступ. ст., сост. и коммент. П. А. Вульфуса. М., 1979.

Свиридова 2002 — *Свиридова И.* Фольклористические труды А. Л. Маслова: Публ.

Н. Савельевой // Из истории русской музыкальной культуры: Памяти А. И. Кандинского / Науч. тр. Московской государственной консерватории. Сб. 25. М., 2002. С. 206–236.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юдина В. И. <https://orcid.org/0000-0002-0387-0314>

Доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор кафедры теории и истории музыки Орловского государственного института культуры: Российская Федерация, 302020, г. Орел, ул. Лескова, д. 15; тел.: + 7 (4862) 41-61-91; e-mail: udina@orel.ru

ALEKSANDR L. MASLOV AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF RESEARCH BASES OF MUSICAL ETHNOGRAPHY

VERA I. YUDINA

(Orel State Institute of Culture: 15, Leskova str., Orel, 302020, Russian Federation)

Summary. This paper is devoted to A. L. Maslov — a musical ethnographer of the late 19th — the early 20th century, a folklorist, a teacher. Biographical information on main studies of the researcher are presented. The focus is on the analysis of Maslov's contribution to the history of musical ethnography. His research on general issues of the analysis of folk music and separate music genres (bylina epics, spiritual verses) indicates development of research bases of musical ethnography. Many of them have not lost their relevance today. Along with traditional problems of musical folklore studies, associated with the analysis of the correlation between music and poetry in various genres of folk music, dealing with folk music in the context of folk life, Maslov raises a number of issues that can be attributed to the category of methodology and cultural study aspects of ethnomusicology. This, in particular, are problems of complex analysis of folk songs, synthesizing the cultural-historical, ethnographic and musicological approaches; issues of intercultural interaction in folk music; the problem of preservation of folk music in terms of civilization transformations, including the dichotomy of “a composer and folklore”; the idea of the stratification of the folk music culture; the need of comprehension of the specifics of folk musical thinking. The conclusion is made that in the early 20th century A. L. Maslov expressed a lot of bold, progressive ideas that were further developed in the national musical ethnography.

Key words: A. L. Maslov, musical ethnography, folk song, research method, cultural studies in ethnomusicology.

References

Danchenkova N. Yu. (2004) Muzykal'naya etnografiya [Musical ethnography]. In: Istoriya russkoi muziki [History of Russian music]. In vol. 10. Vol. 10. 1890–1917. Ed. by L. Z. Korabelnikova and M. E. Levashcheva. Moscow. Pp. 508–523. In Russian.

Marchenko A. A. (2003) Napevy mezenskikh bylin [Tunes of the Mezen' bylina epics]. Byliny [Bylina epics]. In 25 vol. Vol. 3: Bylini Mezeni: Sever Evropeyskoy Rossii [Bylina epics of Mezen': The North of the European Russia]. St. Petersburg; Moscow. Pp. 78–98. In Russian.

Maslov A. L. (1904) Zadachi muzykal'noy etnografii [Tasks of the musical ethnography]. *Russkaya muzykal'naya gazeta* [Russian musical gazette]. 1904. No. 40. In Russian.

Maslov A. L. (1908) Vliyanie russkoy narodnoy muzyki na tvorchestvo russkikh kompozitorov [Influence of Russian folk music on the creativity of Russian composers]. *Muzyka i zhizn'* [Music and life]. 1908. No. 2. In Russian.

Maslov A. L. (1910) Russkoe narodnoe tvorchestvo v perezhivaemuyu epokhu [Russian

folk art of the experienced era]. *Muzyka i zhizn'* [Music and life]. 1910. No. 2. Pp. 9–12. In Russian.

Maslov A. L. (1911) Opyt rukovodstva k izucheniyu russkoy narodnoy muzyki [Probes of a manual on studies of Russian folk music]. Moscow. In Russian.

Sviridova I. (2002) Fol'kloristicheskie trudy A. L. Maslova. Publikatsiya N. Savelevoy [Folkloristic works of A. L. Mal'tsev. Published by N. Saveleva]. In: Iz istorii russkoy muzykal'noy kul'tury. Pamyati A. I. Kandinskogo [From the history of Russian musical culture: In memoriam of A. I. Kandinskiy]. Moscow. Vol. 25. Pp. 206–236. In Russian.

Vul'fius P. A. (pref., comp., comm.) (1979) *Russkaya mysl' o muzykal'nom fol'klore: Materialy i dokumenty* [Russian thought on musical folklore: Materials and documents]. Moscow. In Russian.

Zemtsovskiy I. I. (1972) Fol'kloristika kak nauka [Folklore studies as scholarship] In: *Slavyanskiy muzykal'nyy fol'klor* [Slavic musical folklore]. Moscow. Pp. 9–79. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Yudina V. I. <https://orcid.org/0000-0002-0387-0314>

E-mail: udina@orel.ru

Tel.: + 7 (4862) 41-61-91

15, Leskova str., Orel, 302020, Russian Federation

Grand PhD (Cultural Studies), PhD (Arts), professor of music theory and history, Orel State Institute of Culture